

Научная статья

УДК 81–112

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.03

**РИТОРИЧЕСКИЕ МОТИВЫ
В РАННЕЙ ЛИРИКЕ И. А. БУНИНА (II)****Ганиев Журат Валиевич**Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия

Ganiew.juratganiev@yandex.ru

Аннотация. Одной из актуальнейших проблем риторики было и остается несправедливое для большинства социальное и имущественное неравенство в обществе. Обделенное большинство и обеспеченное меньшинство имеют взаимные претензии друг к другу. Бунин искренно любил своих придавленных «нуждишкой» героев, забытых, но сохраняющих свою исконную безропотность, неприязнительность. В начале творчества Бунина эти герои всю жизнь остаются «детьми» и в них не пробуждается чувство протеста или недоумения перед очевидной несправедливостью мироустройства. До конца жизненного пути они так и не находят выхода из своего безнадежного положения. Бунин изображал людей пожилых и старых, забывших о дурном прошлом. Образ этой крестьянской старости с ее покинутостью и незащищенностью, с униженной человеческой природой предьявляет многовековой счет обществу, устройству в нем жизни и вызывает к справедливости.

Ключевые слова: гражданские риторические мотивы, ранние стихи Бунина, лирика Серебряного века, образы стариков и инвалидов.

Для цитирования: Ганиев, Ж. В. (2023). Риторические мотивы в ранней лирике И. А. Бунина (II). *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(49), 34–43. DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.03

Original article

UDC 81–112

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.03

**RHETORICAL MOTIFS
IN IVAN BUNIN'S EARLY LYRICS (II)****Zhurat V. Ganiev**Moscow City University,
Moscow, Russia

Ganiew.juratganiev@yandex.ru

Abstract. Social and property inequality in the society has always been one of the most urgent problems within the framework of rhetorics. The deprived majority and the wealthy

minority have mutual claims against each other. Bunin is sincere in his love towards his heroes crushed by need. They seem downtrodden, though they preserve their original submissiveness and unpretentiousness. Bunin's early works feature these characters frozen in their childish attitude for the rest of their lives without any sense of protest or at least bewilderment at the obvious injustice of the world order. Unfortunately, they never find a way out of their hopeless situation until the end of their lives. Bunin likes to portray elderly and senior people who have forgotten about the bad and cruel past. The image of this peasant old age with abandonment and defenselessness, with humiliated human nature, presents a century-old account to the society, to the arrangement of life as well as appeals for justice.

Keywords: civic rhetorical motifs, Bunin's early poems, Silver Age lyrics, images of the old and the disabled.

For citation: Ganiev, Zh. V. (2023). Rhetorical Motifs in Ivan Bunin's Early Lyrics (II). *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(49), 34–43. DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.03

Одной из главных миссий сократовской (античной) и новой риторики середины прошлого века было и остается обращение к голосу совести реципиента. В русской ментальности совесть предстает как чувство личной ответственности, прирожденное чувство справедливости. В этом ключе рассмотрим следующую проблему: в России всегда существовало неравенство между бедным и беднейшим большинством и разбогатевшей меньшей частью населения, что вызывает в государстве социальную напряженность. Люди в своем большинстве возлагают вину за неприемлемую диспропорцию между имущими и неимущими на правящие круги и политические партии. Социальная напряженность — неотъемлемая, неременная проблематика традиционной и новой риторики.

Под влиянием старшего брата Юлия Алексеевича Бунина 18-летний Иван Алексеевич пришел к убеждению, что поэты, чьи чувства отличаются большей интенсивностью, чем у окружающих людей, могут выражать горячие протесты против бедности, нищеты, безысходных страданий в обществе. И. Бунин приводил примеры гражданских оценок неравенства из творчества И. С. Никитина, Н. А. Некрасова, А. С. Пушкина (Бунин, 1967, т. 9, с. 487–494, 502–506). Основу нынешнего анализа составляют два бунинских стихотворения¹, где поэт откликается на случаи вопиющей нищеты в народной среде в пореформенные времена.

Новая, или общая, риторика в середине прошлого века (льежская школа), исследуя аргументацию в художественной и особенно в поэтической речи, убедительно показала, что довольно экспрессивными аргументами в этом типе речи являются тропы и фигуры (главенствующая роль риторических факторов

¹ В первой статье из цикла о риторических мотивах в ранней лирике Бунина (с анализом стихотворения «Над могилой С. Я. Надсона») сделана заявка на следующие статьи с риторическим анализом бунинских стихов (см.: Ганиев, 2022, с. 83–92)).

в поэзии). При этом ученые-стилисты ссылались на фундаментальные труды Р. О. Якобсона по поэтике (Дюбуа, Пир, Тринон, 1986).

ДЕРЕВЕНСКИЙ НИЩИЙ [1886]

В стороне от дороги, под дубом,
Под лучами палящими спит
В зипунишке, заштопанном грубо,
Старый нищий, седой инвалид;

Изнемог он от дальней дороги
И прилег под межой отдохнуть...
Солнце жжет истомленные ноги,
Обнаженную шею и грудь...

Видно, слишком нужда одолела,
Видно, негде приюта сыскать,
И судьба беспощадно велела
Со слезами по окнам стонать...

Не увидишь такого в столице:
Тут уж впрямь истомленный нуждой!
За железной решеткой в темнице
Редко виден страдалец такой.

В долгий век свой немало он силы
За тяжелой работой убил,
Но, должно быть, у края могилы
Уж не стало хватать ему сил.

Он идет из селенья в селенье,
А мольбу чуть лепечет язык,
Смерть близка уж, но много мученья
Перетерпит несчастный старик.

Он заснул... А потом со стенаньем
Христа ради проси и проси...
Грустно видеть, как много страданья
И тоски и нужды на Руси!²

Откуда была знакома юному Бунину подобная нищета и бедность в современной ему действительности? Детство и юность он прожил в условиях надвигающейся на семью безнадежной нужды, видел доведенное до полного

² Как и в первой статье из цикла о риторических мотивах в ранней лирике Бунина, ниже последуют построчные комментарии об аргументах классической и новой риторики (для этого мы обозначили номера стихотворных строк).

упадка фамильное родовое поместье, унижения перед лицом соседей, местных властей, крестьян³. С семи лет Бунин, живя в поместье (хутор Бутырки), вел жизнь, тесно связанную с полем, с мужицкими избами и их обитателями. До поступления в елецкую гимназию с друзьями из этой среды он целыми днями стерег в поле скотину. Позднее, не выдержав обстановки, которая его окружала в Ельце, он ушел из гимназии.

Поэзия, литературный труд представились 15-летнему Бунину единственным надежным убежищем, уходом от унижений, ожидавших его, недоучившегося гимназиста. Это было спасением не столько в материально-правовом отношении, сколько бегством от духовного убожества и пошлости мира мелких службистов и лавочников (в подобной семье он жил в Ельце, учась в гимназии).

В это время все симпатии и неподдельное сочувствие Бунина были на стороне бедных, изнуренных безнадежной нуждой, голодом, унижениями от власти и капитал имущих. В них его особо трогали терпение и стоицизм, нравственная чистота, вера в Бога⁴.

Строфа I: композиционно-смысловой тип речи *констатация* (по-старому *описание*), включающий в себя экспозицию и начало развития художественного риторического конфликта.

Строки 1–4: экспрессия набирает силу в строке 3 (эпитеты *в зипунишке, заштопанном грубо*), в строках 2 и 4 имеется еще несколько экспрессивных эпитетов (*пальцами, старый нищий, седой инвалид*). Последний эпитет *седой инвалид* превращается в источник (начало художественного) риторического конфликта — совместно с содержанием V строфы (коммуникативно обусловленные типы речи *повествование* и *рассуждение*). Уровень экспрессии в строфе I воспринимается по ее максимуму в строках 3–4.

Строфа II: продолжение композиционно-смыслового типа речи *констатация* (*описание*, строки 7–8), начатого в строфе I, а также развитие социально-художественного риторического конфликта (в строках 5, 7–8). Начало строфы — *рассуждение*⁵; совмещение двух типов речи (констатации и рассуждения) передано, в ряду прочего, также сменой видовременных форм глагола (*жжет — изнемог, прилег*). Наибольшая экспрессия в строфе в словах *изнемог, истомленные*, менее экспрессивны *солнце жжет* + 3 прямых объекта в строках 7–8.

³ Это случилось еще по вине братьев деда, обделивших его при дележе богатого наследства, доставшегося им после кончины прадеда поэта. Разорение имения совершил своим образом жизни отец Ивана Алексеевича — человек неплохой, по отзывам людей, знавших его (Бунин, 1967, т. 9, с. 253–256).

⁴ Ниже, в построчных комментариях, мы коснемся разницы между русскими сельскими семьями, впадавшими в прежние времена в нищету в зимний сезон, и тогда же перманентно нищенствующими бродягами: это видно из поведения (а значит, и из образа несчастной жизни) нашего деревенского нищего.

⁵ Строка 6: межа — узкая полоска невспаханной земли, отделяющая поле.

Строфа III: развитие *рассуждения*, начатого как композиционный тип речи в строках 5–6 предыдущей строфы. Развитие художественного конфликта. Наибольший с начала стихотворения уровень экспрессии в качестве аргументативного средства (*слишком нужда одолела, негде приюта сыскать, судьба беспощадно велела / Со слезами по окнам стонать*). За 30 лет до бунинского стихотворения знаменитый поэт И. С. Никитин (Воронеж) опубликовал стихотворение «Нищий», из которого видно, что русский обычай позволял просить подаяние под окнами голодающим крестьянским семьям (старикам, вдовам и сиротам), чтобы пережить тяжелую зимнюю пору, но не бродягам — инвалидам труда (ср.: «И вечерней и ранней порою / Много старцев, и вдов, и сирот / Под окошками ходит с сумою, / Христа ради на помощь зовет. / Надевает ли сумку неволя, / Неохота ли взяться за труд, — / Тяжела и горька твоя доля, / Бесприютный, оборванный люд! / Не откажут тебе в подаянье, / Не умрешь ты без крова зимой, — / Жаль разумное Божье созданье, / Человека в грязи и с сумой!») (Никитин, 1975, с. 282–283)).

В «Деревенском нищем» Бунина мы видим тот же трехстопный анапест с женской и мужской рифмами, о котором К. И. Чуковский сказал, что этот стихотворный размер оказался удобным для поэтов середины XIX века для имитации народно-разговорной интонации (Чуковский, 1955, с. 31–32).

В **IV строфе** стихотворения Бунина «Деревенский нищий» путем сравнения автор создает дополнительный логический аргумент, чтобы убедить, что нет несчастнее деревенского нищего, который пропадает «без вины виноватый». Наиболее экспрессивные лексемы *истомленный нуждой, редко виден* (в столице. — Ж. Г.) *страдалец такой*.

Строфа V у Бунина скорее рассуждение, чем повествование. Очень экспрессивны, по сравнению с лексемами строфы IV, слова *немало он силы / За тяжелой работой убил, / ... у края могилы / Уж не стало хватать ему сил*. Самое удручающее — это сознание близости трагического конца безрадостной жизни бунинского нищего, умирающего от голода и потери сил⁶.

Это впечатление развивает **строфа VI:** по селеньям нищий просит подаяние, *мольбу чуть лепечет язык, / Смерть близка уж, но много мученья / Пере терпит несчастный старик*. У него нет сил, изможденный, он ляжет у пашни, постарается заснуть.

В **строфе VII** несобственное употребление наклонения глагола означает, что наш герой будет вынужден после «отдыха» в жутких условиях, голодный, продолжить свои мученья. О них говорит сочетание *со стенаньем / Христа ради проси и проси*. Вывод поэта констатирующий, по характеру воспроизводит, расширяя ее, функционально-смысловой тип речи *констатация I* строфы.

Начало художественного риторического конфликта имеет как бы три стороны: 1) несчастная жертва — инвалид труда, престарелый нищий; 2) «за кадром» — предрержащие власти (*устар*. ‘лица, облеченные властью, органы власти’); имущая

⁶ Ср. с этим материал: (Ганиев, 2019, с. 48–55).

часть общества; 3) поэт, который хотел бы вникнуть в причины несчастий нищего бродяги. Накал конфликта растет от строфы к строфе, 6-я строфа буквально оплакивает неминуемую гибель несчастного.

Наращение художественного конфликта ощущается по эскалации экспрессии в лексемах и их сочетаниях: II строфа — *изнемог*; III строфа — *слишком нужда одолела* (метафорическое олицетворение), *негде приюта искать* («приют» для изнемогающего старика — земля рядом с пашней под палящим солнцем), *судьба беспощадно велела / Со слезами по окнам стонать* (аллегорическая метафора; общепринятый троп включение); IV строфа — *истомленный нуждой* (метафора), *страдалец в темнице за железной решеткой* (включение); V строфа — *в долгий век* (экспрессивное значение ‘жизнь’) *немало он силы / За тяжелой работой убил / (метафора), у края могилы / (метафора) Не стало хватать ему сил* (метафора); VI строфа — *мольбу чуть лепечет язык* (метонимия), *много мученья перетерпит несчастный старик* (экспрессивные члены предложения; эпитет); строфа VII — *со стенаньем / Христа ради проси и проси, / Грустно видеть, как много страданья / И тоски и нужды на Руси!* Обилие минорной, уныло-экспрессивной лексики, начиная со старославянизма *стенанье* (устар.). Строки 27–28 — умозаключение поэта.

Сравним с бунинским образом деревенского нищего подобный образ из второй половины стихотворения Никитина (не исключено, что за три десятилетия, отделяющие эти стихотворения, детали обычая подавать в народе и просить среди побирающихся могли измениться). В указанной второй половине Никитин сравнивает жизнь нищего с участью деревенских старцев, вдов и сирот: «Но беднее и хуже есть нищий: / Не пойдет он просить под окном, / Целый век, из одежды да пищи⁷, / Он работает ночью и днем. / Спит в лачужке, на грязной соломе, / Богатырь в безысходной беде, / Крепче камня в несносной истоме, / Крепче меди в кровавой нужде. / Пó смерть⁸ зерна он в землю бросает, / Пó смерть жнет, а нужда продает⁹; / О нем облако слезы роняет, / Про тоску его буря поет¹⁰» (Никитин, 1975, с. 282–283).

Сближает концовки обоих стихотворений авторское признание безысходности жизненного итога героев. Впрочем, никитинский труженик, дореформенный крестьянин, моложе бунинского нищего (он работает *ночью и днем, богатырь крепче камня, крепче меди*), но все же находится всю жизнь в нескончаемой «кровавой нужде». У Бунина нищенствующий бродяга-инвалид олицетворяет уровень жизни париев пореформенного периода — их существование стало за прошедшие годы явно хуже, очевиднее человеческое безразличие к таким, как он. Психологи, которые специализируются на изучении жизненных стимулов, сейчас говорят о никитинско-бунинском персонаже:

⁷ Устар. ‘чтобы заработать на одежду и пищу’.

⁸ Устар. ‘до самой смерти’.

⁹ ‘Крестьянин не может прокормиться, одолеть бытовую нищету’.

¹⁰ Стилистические фигуры художественного олицетворения.

что бы ты ни делал, результата не будет, люди усвоили, что хеппи-энда не бывает. А чего стараться, если на душе безысходность и результата все равно не достичь. Это относится к аргументам логоса (к логическим аргументам) в риторике (см.: Хазагеров, 2003, с. 110–113).

Поэты не видят возможности реально помочь своим персонажам, а таких в России были десятки тысяч. А помогать должны были, кроме «власти предрержащей», волонтеры (или «охотники», как тогда говорили), церковь с ее возможностями¹¹ (монастыри, различная церковная работа, прихожане во главе с церковными старостами). На должность церковного старосты назначались состоятельные люди, ее занимали, например, отцы М. В. Ломоносова, А. П. Чехова и т. д. К слову, в обоих стихотворениях о православной молитве не сказано ни слова (о традиционной силе православной молитвы, излагаемой в гомилетике, а также о политическом, социальном, духовном измерении общественного расслоения см. пояснения Святейшего Патриарха Кирилла в нашей статье (Ганиев, 2020)).

Близко знал Бунин и нищенствующих поэтов, в юности он и сам испытал нечто подобное. Здесь среди различных причин пауперизма не последнее место занимала преданность художественному слову, постоянное творческое горение, неумение заработать на «хлеб насущный». Вот что написал юный Бунин в стихотворении «Поэт» (1886).

Поэт печальный и суровый,
Бедняк, задавленный нуждой,
Напрасно нищеты оковы
Порвать стремишься ты душой!
Напрасно хочешь ты презреньем
Свои несчастья победить
И, склонный к светлым увлечениям,
Ты хочешь верить и любить!
Нужда еще не раз отравит
Минуты светлых дум и грез,
И позабыть мечты заставит,
И доведет до горьких слез.
Когда ж, измученный скорбями,
Забыв бесплодный, тяжкий труд,
Умрешь ты с голоду, — цветами
Могильный крест твой перевьют!

(Бунин, 1965, т. 9, с. 53–54)

Что общего между безымянным поэтом у Бунина и широко известным в это время в России поэтом С. Я. Надсоном? Популярный поэт в это время не бедствовал, тем более что его творчество нельзя было назвать «бесплодным,

¹¹ С другой стороны, мы знаем об отношении священнослужителей к нищенствующим во 2-й половине XIX века из литературы, живописи (взять хотя бы сюжет из картины В. Г. Перова «Сельский ход на Пасху»).

тяжким трудом» и ему не грозила смерть от голода¹². Однако между стихотворениями «Поэт» и «Над могилой С. Я. Надсона» (см.: Бунин, 1965, т. 1, с. 455–456) просматриваются параллели, а отдельные места стихотворения «Поэт» (написанного раньше траурного стихотворения) выглядят как заготовки к будущему посвящению усопшему Надсону. Так, есть повторы *презренье* и *презирал, любви* и *любить, поэт* и *поэт, умереть* и его синонимы *угаснуть, умолкнуть*; целые схожие словосочетания *цветами могильный крест твой перевьют* и *цветами гробницу юноши повить*.

Вместе с тем в строфах стихотворения «Поэт» встречаются экспрессивные средства (в основном метафоры), похожие на образные средства из стихотворения «Деревенский нищий». Это неудивительно, этому способствует тематическая общность бунинских стихов. Так, в «Поэте» мы видим риторические образы, схожие с аналогичными из «Деревенского нищего»: *бедняк, задавленный нуждой; / Напрасно нищеты оковы / Порвать стремишься ты; Нужда не раз еще заставит позабыть мечты / И доведет до горьких слез; измученный скорбями, / Забыв бесплодный, тяжкий труд, / Умрешь ты с голоду*. Вместе с тем в бунинском «Поэте» нет близкого сходства с пассажами о тяжелой доле несчастного деревенского кузнеца из стихотворения Никитина «Нищий».

Сравним далее количество метафор, эпитетов (в том числе как средств аргументации) в бунинских стихах «Над могилой С. Я. Надсона» и «Деревенский нищий». Ощущая разницу между романтическим слогом в посвящении памяти Надсона и почти некрасовским языком в стихах о деревенском нищем, эпитетов во втором стихотворении находим, конечно, меньше (при равенстве числа строк) — 18 против 25, метафор же (как сильнейших средств в поэтическом языке) в «Деревенском нищем» уже втрое меньше, чем в траурной энкомии. То есть стихи о нищем менее экспрессивны и менее стилистически окрашены, чем стихи, посвященные Надсону. Что касается стихотворения «Поэт», оно вдвое меньше «Деревенского нищего», но пропорции в численности метафор и эпитетов как средств аргументации в двух стихотворениях совпадают.

Есть переключка одного места из бунинского «Поэта» со знаменитым стихотворением 1839 года о поэте у Ф. И. Тютчева — в сопоставлении речь пойдет о содержании II и III строф бунинского стиха «Поэт»: в них с помощью тропов и стилистических фигур рассказывается о борьбе творческой природы с различными соблазнами и обстоятельствами жизни, способными сбить поэта с пути. Наблюдения великого лирика Ф. И. Тютчева имеют универсальный характер и могут относиться к творческой личности каждого народа и любого времени. Тютчев называет две «стихии», способные отвлечь творческую природу от смысла ее жизни, буквально похоронить талант. Тем самым эти «стихии» равняют творческую личность с собой, лишив ее свободы и уничтожая художественное

¹² Бунинское стихотворение, посвященное С. Я. Надсону и написанное в январе – феврале 1887 года, помещено в том 1 Собрания сочинений И. А. Бунина (в 9 томах) 1965 года.

дарование. К ним относятся «дева с младенческой душой» и толпа — «суетный народ», причем Тютчев обращается с предостережениями не к поэту, а к «деве» и к «суетному народу»: «Не верь, не верь поэту, дева! / Его своим ты¹³ не зови. / И пуще пламенного гнева / Страшись поэтовой любви! / Его ты сердца не усвоишь / Своей младенческой душой. / Огня палящего не скроешь / Под легкой девственной фатой. / Поэт всесилен как стихия, / Не властен лишь в себе самом: / Невольно кудри молодые / Он обожжет своим венцом. // Вотще поносит¹⁴ или хвалит / Поэта суетный¹⁵ народ: / Он не змеєю сердце жалит, / Но как пчела его сосет. / Твоей святыни не нарушит / Поэта чистая рука, / Иль ненароком жизнь задушит / Иль унесет за облака» (Тютчев, 1997, с. 114).

Во II и III строфах бунинского «Поэта» аргументами во внутренней борьбе за творчество служат экспрессивные средства — метафоры *презрением свои несчастья победить, нужда отравит минуты, позабыть мечты заставит и доведет до горьких слез*; эпитеты *светлые* (увлечения), *светлые* (думы и грезы).

Конец «Деревенского нищего», как и финал никитинского «Нищего», по своей безысходности существенно отличается от светлой риторической веры, высказанной в последних 29 строках знаменитых хрестоматийных некрасовских «Размышлений у парадного подъезда» (1858); отрывок начинается со слов «Родная земля! / Назови мне такую обитель, / Я такого угла не видал, / Где бы сеятель твой и хранитель, / Где бы русский мужик не стонал!» Заканчивается некрасовское стихотворение всем известным риторическим вопросом как стилистической фигурой, содержащей несколько тропов — метафор и экспрессивных эпитетов — как средств поэтической аргументации, — вопросом-упреком, опасением и вместе с тем полным надежды на лучшее будущее трудящегося человека: «Эх, сердечный! / Что же значит твой стон бесконечный? / Ты проснешься ль, исполненный сил, / Иль, судеб повинуюсь закону, / Все, что мог, ты уже совершил, / — Создал песню, подобную стону, / И духовно навеки почил?..» (Некрасов, 1982, с. 64–67).

Список источников

1. Бунин, И. А. (1967). *Собр. соч.*: в 9 т. Худ. лит.
2. Бунин, И. А. (1965). *Собр. соч.*: в 9 т. Худ. лит.
3. Ганиев, Ж. В. (2022). Риторические мотивы в ранней лирике И. А. Бунина (I). *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(46), 83–92.
4. Дюбуа, Ж., Пир, Ф., Тринон, А., и др. (1986). *Общая риторика*. Прогресс.
5. Никитин, И. С. (1975). *Собр. соч.*: в 2 т. Т. 1. Правда.
6. Чуковский, К. И. (1955). *Мастерство Некрасова*. 2-е изд., доп. ГИХЛ (Гослитиздат).
7. Ганиев, Ж. В. (2019). Риторика душевных потрясений (анализ эссе В. П. Астафьева «И прахом своим»). *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(33), 48–55.

¹³ Ср. с этим употребление *ты* в интимной лирике И. А. Бунина (Гордеева, 2016).

¹⁴ *Устар.* ‘напрасно сильно ругает’.

¹⁵ *Суетный* — *устар.* ‘занятый мелочными заботами, помыслами, интересами; погруженный в тщету’.

8. Хазагеров, Г. Г., & Лобанов, И. Б. (2003). *Риторика*. Феникс.
9. Ганиев, Ж. В. (2020). Риторика и гомилетика в интервью Святейшего Патриарха Кирилла о связи российских проблем с проблемами глобальными. *Русистика и компаративистика: сб. науч. трудов. по филологии*. Вып. XIV. Книгодел, 82–84, 88–89.
10. Гордеева, О. М. (2016). Личное местоимение «ты» и функционально-семантическое поле адресованности в лирике И. А. Бунина. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(21), 100–106.
11. Тютчев, Ф. И. (1997). «Я встретил Вас...». Дет. лит.
12. Некрасов, Н. А. (1982). *Избр. произведения*. Кн. изд-во.

References

1. Bunin, I. A. (1967). *Collected Works*: in 9 v. Khud. Lit. (In Russ.).
2. Bunin, I. A. (1965). *Collected Works*: in 9 v. Khud. Lit. (In Russ.).
3. Ganiev, J. V. (2022). Rhetorical Motives in I. A. Bunin's Early Lyric (I). *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(46), 83–92. (In Russ.).
4. Dubois, J., Peer, F., Trignon, A., et al. (1986). *General rhetoric*. Progress. (In Russ.).
5. Nikitin, I. S. (1975). *Collected Works*: in 2 v. V. 1. Pravda. (In Russ.).
6. Chukovsky, K. I. (1955). *Nekrasov's craftsmanship*. GIHL (Goslitizdat). (In Russ.).
7. Ganiev, J. V. (2019). Rhetoric of Soul Shocks (Analysis of V. P. Astafiev's essay «And with Their Ashes»). *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(33), 48–55. (In Russ.).
8. Khazagerov, G. G., & Lobanov, I. B. (2003). *Rhetorics*. Phoenix. (In Russ.).
9. Ganiev, J. V. (2020). Rhetoric and homiletics in the interview of His Holiness Patriarch Kirill about the connection of Russian problems with global problems. *Russic Studies and Comparativism: collection of scientific works in philology*. Vol. XIV. Knigodell, 82–84, 88–89. (In Russ.).
10. Gordeeva, O. M. (2016). The personal pronoun «you» and the functional and semantic field of addressing in I. A. Bunin's lyrics. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(21), 100–106. (In Russ.).
11. Tyutchev, F. I. (1997). «I met you...». Det. lit. (In Russ.).
12. Nekrasov, N. A. (1982). *Selected works*. Publishing House. (In Russ.).

Информация об авторе

Журат Валиевич Ганиев — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и методики преподавания филологических дисциплин Института гуманитарных наук МГПУ.

Information about the author

Jurat V. Ganiev — Doctor of Philology, full professor of the Department of Russian Language and Methods of Teaching, Institute of Humanities, MCU.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.